

*Все действующие лица — выдуманы,
все события — реальны.*

ГЛАВА I

Александр Николаевич Белозерский был молод, красив, умён, богат и в совершенной степени несчастен. Подобное часто случается с мыслящими молодыми людьми, когда к промежуточно-итоговым двадцати пяти годам они не совершили ничего великого или хотя бы выдающегося.

На войну Сашу не пускал отец. Сын, конечно же, не слушал и хотел пойти добровольцем, но его не взяли, поворошив бумаги. Там, поди, было привнесено дополнение от всеильного батюшки, чтоб ему! И смотрели на Александра Николаевича без должного уважения к его храбрости, если не сказать: с насмешкой. На эту великую войну, войну нового типа, шли даже девочки из Женского медицинского института. А он, один из лучших выпускников Императорской военно-медицинской академии, стал трусом поневоле! Точнее, по воле отца! И этого уже никак не исправить, потому что заключён проклятый мир!

О, конечно же, куда ж нам без мира, в тиски которого Россию заключил Сергей Юльевич Витте, женатый на иудейке, Матильде Исааковне Нурок! Ах, простите, Марии Ивановне Лисаневич! Кругом выкресты! И эта дамочка, к которой протягивалось много рук с предложением опереться, выбрала сильнейшего, чем нимало не смущалась. И ни Лисаневич, ни Витте нисколько числом оных рук не смущались. Слаженным хором

досточтимых мужей все славят женскую чистоту, а *solo* вожде-
деют и с хрюканьем вкушают помойную порочность. Покинутый
благоверный двадцать тысяч рублей отступных получил, не за-
бруснявел! «Кот» продал проститутку в жёны государственному
деятелю, каково?! Хорошо хоть новоиспечённую супругу Вит-
те ко двору не приняли. Ей что до того? Толку от хождений ко
двору, когда она влияет на государственные дела в своём аль-
кове, блудливо вертя министром как того пожелает спрут Рот-
шильдов! Не зря Витте хотел отдать весь Сахалин! Смел спорить
с государем! И в результате это ничтожество за государственную
измену пожалован графским достоинством! Граф Полусахалин-
ский, ха-ха! Так что Сергею Юльевичу Витте — ликторский пук
и оливковую ветвь, а Александру Николаевичу Белозерскому —
кукиш с постным маслом и дырку от бублика!

Саша Белозерский не краснел, ставя себя на одну ступень
с Председателем Совета Министров Российской империи. Често-
любие и амбиции клокотали в нём. Эта война должна была его
прославить! Вознести на вершины! Это его отчёт должен был
прогмеметь по всей России, а вовсе не ещё одной взбалмош-
ной бабёнки, все газетные и журнальные вырезки о которой
он, признаться честно, трепетно собирал в отдельную папку и был
заочно в дамочку влюблён, хотя на фотографиях она была видом
свирепа и до неприличия широкоплеча.

Александр Николаевич был принципиально недоволен тем, как
государь реализует Большую Азиатскую программу. И, признаться,
он был не одинок в недовольстве. Программа императора Нико-
лая II вызывала крайнее раздражение у правящих кругов США
и Великобритании, имевших виды на Дальний Восток и Китай. Саша
мало что понимал в предпосылках, причинах и поводах Русско-
японской войны, но мнение, разумеется, имел. То есть вёл себя ров-
но так, как та самая «лимфатическая интеллигенция», над которой
Александр Белозерский, хирург-ординатор сверх штата клиники
«Община Св. Георгия», человек дела и ремесла, не раз потешался.

Он был уверен, что слишком мягкий государь, слишком хитрый Витте и слишком распоясавшийся президент североамериканских Штатов Теодор Рузвельт — лично несут ответственность за то, что Александр Николаевич Белозерский не покрыл себя славой. Они и, конечно же, папенька, Николай Александрович Белозерский, «император кондитеров», отсекавший ему всякую возможность участия в подвигах Красного Креста, а равно и подвижных передовых дворянских отрядов. Из-за чего Сашенька устроил родителю безобразный скандал и отправился оплакивать заключение мира в то место, где ему были неизменно рады... В публичный дом. Что не мешало ему обвинять графа Витте в покупке супруги. Если бы ему указали на столь очевидное противоречие, он бы ответил, что честно покупает девок в разрешённом законом месте, где ими честно торгуют, в любовь с ними не играет и к решению государственных дел не привлекает. Его интересуется только их тело ровно на время, необходимое для удовлетворения одного интереса. Расплатился и забыл. И занялся делом.

Заведение было очень хорошее. Даже отличное. Какое и пристало единственному наследнику одного из крупнейших состояний империи. С девочками здесь обращались исключительно заботливо. Хозяйка заведения никогда не препятствовала тем, кто решал выйти из занятия. Напротив, всеми силами способствовала, ежели какая питомица хотела работать или же учиться. Но таких, как правило, не находилось. Пределом их мечтаний, а точнее сказать: единственной на всех грёзой — было выйти замуж за богача, благо их в заведении кружило немало, и продолжить запивать эклеры шампанским, но уже на правах законной супруги.

С фантазиями на непрофессиональных нивах у вакханок было довольно скучно. И хотя многие из них неплохо поддавались обучению учительскому или же сестринскому делу, которое им оплачивала хозяйка, все они, пройдя курс, возвращались в родной публичный дом. Этот феномен когда-то давно

рвал душу хозяйке, а затем она смирилась, как все мы рано или поздно смиряемся с тем, чего не в силах изменить. Смиряемся, даже не приобретя мудрости, потому что чаще всего смирение — это просто смирение, и никакой мудрости оно не требует. К теме смирения, проституции и смирения с проституцией придётся ещё не раз обратиться, ибо иная жизнь и есть или проституция, или смирение с оной. В самых разнообразных смыслах, не исключая буквальных.

С тех самых пор, как Сашу Белозерского впервые привели сюда, он дружил с хозяйкой, испытывавшей к нему тёплые дружеские чувства, до невероятности похожие на материнские.

Саша накануне так оплакивал своё горе, так упивался отчаянием по заключённому миру, что, открыв глаза, даже не сразу сообразил, где он. Жестокая засуха во рту, возникающая от чрезмерных возлияний шампанских вин, приводящих к дегидратации, напомнила ему о трагедии. И заставила потянуться к графину, стоящему на credenце. Он жадно глотал живую воду, и сердце стало колотиться в унисон с каким-то странным ритмичным звуком... Часы! Он посмотрел на большие каминные часы, показывавшие половину девятого!

— Чёрт!

Саша вскочил и стал впопыхах натягивать предметы туалета, разбросанные в самых неожиданных местах, отшвыривая кружевные панталоны и корсеты.

— Заполошный! — сонно пробормотала Клёпа и перевернулась на другой бок, не потрудившись открыть глаза.

Саша кинул на постель несколько купюр сверх положенного — Клёпа была девушка весёлая и занимательная, — и, схватив докторский саквояж, вынесся из комнаты, сбежал по лестнице и спешно выскочил из заведения. Благо поутру здесь всегда дежурили извозчики. Александра Николаевича знали хорошо, любили за щедрые чаевые и не упускали случая побеседовать о политике и экономике. Но сегодня попался ворчливый Авдей,

к нему не расположенный. И ни к кому вообще! Довольно распространены на Руси такие мужики, неподвластные ни кнуту, ни прянику, ни самому обворожительному обаянию. Будто вытесали их из лиственницы, отменно просмолили, и не сдаются они ни времени, ни тлену, ни мзде, ни узде.

Авдей с ветерком доставил Александра Николаевича к парадной аллее университетской клиники. Белозерский выскочил из пролётки, и лишь пробежав несколько шагов, сообразил, что забыл рассчитаться. Хлопнув себя по лбу, он немедленно развернулся и, смеясь, подлетел к Авдею, на ходу доставая портмоне.

— Ты чего ж не окликнул?! — добродушно поинтересовался он, протягивая ассигнацию.

— Сдачи не наберу! — глухо пророкотал Авдей, теребя денежный билет.

— Оставь! — отмахнулся Саша и понёсся на всех парах в клинику.

— Оно, конечно, — продолжал не тише и не громче, а ровно так, как всегда, Авдей, запрягивая билет за пазуху. — Легко швыряться, когда не сам заработал. Когда сам — цену деньгам знаешь!

Авдей ласково тронул лошадку. И животина мягко пошла, довольно фыркнув, будто перекинувшись с хозяином не то шуткой, не то парой слов. В отличие от людей, к которым Авдей не испытывал ничего, лошадей и прочих тварей он любил. Любил настолько трепетно, что открой он кому свою любовь — удивление было бы не меньшим, нежели узнать, что мостовая лиственничная опора по утрам крошит булку голубям. Собственно, так же, как к неразумным созданиям Божиим, Авдей относился к девицам из заведения. Он жалел их со всем трагическим надрывом простого доброго русского мужика, которому рвёт душу уестествление скота человеками. Авдей был немолод. Ещё совсем мальчишкой он принимал участие в Урыс-Адыгэ зауэ, затяжной русско-черкесской войне, перед самым её окончанием. И как-то

стал свидетелем nepотpeбствa. Черкес, его ровесник, делал то, что полагается мужу делать с женой, с ничего не понимающей, отчаянно блеющей овцой. И хотя родился и вырос Авдей в Таврической губернии, славной, в том числе, и овцеводством, и знал, что овца предназначена для человека, но проткнул он казачьей пикой именно человека. А затем проткнул и овцу. И закопал невинное существо, обливаясь слезами и бормоча молитву. Почему-то не мог оставить так. Предавал земле яростно, будто сражался с твердью за то, что такое бывает. И даже крест соорудил. Овце. С тех пор никогда и не плакал. И до того не плакал, разве совсем маленьким, он не помнил. Несмыслёныши все плачут, пока не забывают что-то надмирное, подрастая.

Все девицы заведения вызывали в Авдее такой же мучительный надрыв. И будь его воля, он бы всех их проткнул пикой и предал земле, чтобы не мучились. А всех чистеньких господ, что их пользуют, оставил бы валяться падалью, как он оставил черкеса, в назидание и стервятникам на прокорм. Но не кружили над Петербургом стервятники, господа были своей веры, а овцы-девицы не блеяли, а хохотали, издавали непристойные звуки и в целом вели себя самым скотским образом: по-человечески. Но душу Авдея осознание и принятие этого не латало, так и жил он — ранами наружу. Только боли его никто не замечал. Кроме лошадей, собак, котов да всяких птах, что любят поклевать, в особенности по холодку, согревающий и питающий конский навоз.

В клинике уже начался профессорский обход, и Александр Николаевич, оправляя накрахмаленный халат, нёсся по коридору. Опаздывать на профессорский обход — высшая степень неуважения, и никоим образом не характеризует опаздывающего положительно. Но, во-первых, у Александра Николаевича была уважительная причина: он страдал! Разумеется, ординатор достаточно воспитан, чтобы не посвящать в это профессора. А во-вторых, профессор испытывает к Александру Николаевичу

расположение, которым тот ни в коем случае не смеет злоупотреблять. В-третьих, ординатор Белозерский опаздывает первый раз. В принципе, он отлично характеризуемый всеми молодой человек!

Саша Белозерский действительно не понимал, что его могут не любить. У него в голове не уложилось бы, скажи ему кто, что иные товарищи по службе, однокорытники, знакомые и совершенно незнакомые с ним люди могут хотя бы и никак к нему не относиться, не ставя его в известность о факте их губительного для него равнодушия. Или того хуже — он может быть неприятен. Просто так, ни за что! Или именно за то, что он так вызывающе молод, отвратительно красив, весьма умён, а что ещё гаже — невероятно щедро одарён! За то, что он по рождению богат. И за то ещё, что принимает любовь к себе как должное. Как лёгкие — воздух, как органы — кровь, как принимает ласку котёнок — с полнейшим неосознанным, но изначально торжествующим правом.

Однажды ночью в дымину пьяный Белозерский, выйдя из заведения, подобрал помёт котят, тыкавшихся в гряде уже задубевших молочных желёз трупика матери-кошки. Любовно запрятал отчаянно пищащих несмышлёнышей под лацкан дорогого сюртука, свистнул Авдея и, протянув ему двугривенный, попросил поступить с коченеющим трупиком по-божески. Авдей пророкотал:

— Вы их куда?!

— Так к себе, на кухню! И папеньке на заводах не лишние! Только выкормлю, пока молочные. А там уж пристрою, не изволь беспокоиться! Кому их мамка мешала?! — прижав котят, Белозерский, шмыгнув носом, перекрестился.

Цепкий Авдей заметил, что на ресницах барчука сверкнула слеза. Пусть хмельная, но человеческая! Не пьяная, грязная, скотская. Добрая, чистая, людская.

Решительным жестом отвергнув плату, Авдей буркнул:

— Всё устрою в лучшем виде, барин!

Авдей редко кого именовал барином. Он в принципе был неразговорчив, так что на него мало кто из господ имел возможность обижаться. Но с тех пор Авдей уважительно определил для себя Сашку Белозерского настоящим русским барином, просто пока молодым чертякой, чья бесовщина не опасна для тварного мира, а посему отныне Авдей ему не угроза, а оберег.

Получив после того случая под заведением всё по обыкновению сверкало прибранностью, ибо опрятный вид — свидетельство благочестия. Омрачило ту неделю разве что таинственное исчезновение залётного скоробогатого господинчика, бывшего в Петербурге по вопросам снабжения армии не то просроченной тушёнкой, не то некондиционной корпией, и почтившего присутствием бордель несколько раз кряду. Из заведения вышел — свидетельства были. Из гостиницы выезд положенным образом не оформил, да и вещи остались в номере. К хозяйке полиция приходила. Но она ничего не показала, да и не могла показать. В публичных домах не принято интересоваться делами господ. Разве отметила, что с девочками был жесток, но не фатально, в пределах допустимого по обоюдному согласию, смазанному щедрым пожертвованием сверх таксы за Клёпин фингал под глазом. Разошёлся во страстях, с кем не бывает. Господинчика поискали-поискали, да и списали как скрывшегося по экономическим соображениям. Таким, что любому понятны: аванс на поставки голубчик получил, а никакой тушёнки и корпии в армию так и не поставил. Кто бы не сбежал? Война на всём кресты ставит. Транссиб недостроен, какие там мелкооптовые поставки! Война империю разорила. Сгорел сарай, гори и хата!